

Научная статья

УДК 328.185:343.953

doi: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).3.475-486

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНОГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Елена Викторовна Стебенева¹

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия, st.el@list.ru

Аннотация. В статье описано криминологическое исследование личности должностных лиц, осужденных за коррупционные преступления и отбывающих наказания в местах лишения свободы, на основе анализа их отношения к совершенному деянию и мотивов, детерминировавших преступное поведение. По результатам исследования определено, что среди мер противодействия коррупции, кроме материальной обеспеченности, социальной защищенности, виктимологической профилактики и соблюдения принципа неотвратимости наказания, требуется повышение уровня правосознания и правовой культуры, основанное на личном убеждении следовать в своей деятельности закону, что определяет правопослушное поведение. В основе формирования правосознания и культуры должна лежать единая антикоррупционная идеология в обществе в целом.

Ключевые слова: личность коррупционера, коррупционное поведение, правосознание, противодействие коррупции

Для цитирования

Стебенева Е. В. Особенности личности должностных лиц, совершивших коррупционные преступления: на примере отдельного криминологического исследования // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 3. С. 475–486. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).3.475-486.

Original article

PERSONALITY CHARACTERISTICS OF OFFICIALS WHO HAVE COMMITTED CORRUPTION CRIMES: ON THE EXAMPLE OF A SEPARATE CRIMINOLOGICAL STUDY

Elena Viktorovna Stebeneva¹

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, st.el@list.ru

Abstract. The article describes a criminological study of the personality of officials convicted of corruption crimes and serving sentences in prison, based on an analysis of their attitude to the committed act and the motives that determined criminal behavior. According to the results of the study, it was determined that among the anti-corruption measures, in addition to material security, social security, victimological prevention and compliance with the principle of inevitability of punishment, it is necessary to increase the level of legal awareness and legal culture based on personal conviction to follow the law in their activities, which determines law-abiding behavior. The formation of such legal awareness and culture should be based on a unified anti-corruption ideology in society as a whole.

Keywords: personality of a corrupt official, corrupt behavior, legal awareness, anti-corruption

For citation

Stebeneva, E. V. 2024, 'Personality characteristics of officials who have committed corruption crimes: on the example of a separate criminological study', *Penal law*, vol. 19(1–4), iss. 3, pp. 475–486, doi: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).3.475-486.

Существующие взгляды на природу (юридическую, психологическую, социальную) противоправного поведения отнюдь не снижают актуальность и остроту дискуссии о причинах и условиях, способствующих совершению преступления отдельной личностью. И. С. Ной определял одной из фундаментальных причин преступного поведения психологические, генетические особенности лица [1], что мы не можем признать полностью, поскольку также социальные факторы имеют большое влияние на формирование личности преступника.

Причинами преступного поведения, по мнению А. Б. Сахарова, являются преобладание индивидуалистических навыков и побуждений, антиобщественная психология индивида, противоречие между личными и общественными интересами [2, с. 162], что несколько созвучно с мнением В. Н. Кудрявцева о борьбе мотивов в преступном поведении [3, с. 9].

Карпец И. И. одной из движущих сил поступков людей считал субъективный интерес. У правонарушителей главные человеческие потребности искажены и удовлетворяются незаконными средствами, а порой и общественно опасными, каковыми являются преступления [4, с. 89–93].

Оценка личности преступника с точки зрения ее общественной опасности была принята Н. С. Лейкиной, определявшей ее (опасность) как социальную сущность в со-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

вокупности нравственно-психологических свойств, которые проявляются в совершении преступления, других правонарушений [5, с. 10]. По нашему мнению, эта дефиниция не совсем корректна, так как понятие общественной опасности вызывает активную дискуссию, и оценка личности по опасности ее преступного поведения не всегда возможна, в том числе при коррупционных преступлениях. Согласно учению М. М. Бабаева и др, речь, скорее, следует вести о социальных последствиях. [6].

На взгляд Н. Ф. Кузнецовой, решающими в преступном поведении выступают субъективные факторы, основа которых в негативных сдвигах сознания и его деформации, что становится одной из причин совершения преступления – ущербности правосознания [7].

В. Н. Бурлаков, определяя такое свойство личности, как криминогенность (криминогенный синдром личности), разработал концепцию ее генезиса, с учетом которой предложил теоретическую (идеальную) модель индивидуального предупреждения преступлений, что позволяет рассматривать причины преступного поведения еще на докриминальной стадии [8, с. 22, с. 97–100].

В концепции В. А. Номоконова, соединяющей учение о причинности в криминологии и теорию ответственности в уголовном праве, субъективным источником преступного поведения является отчуждение личности и ее ценностно-нормативной системы от ценностей общества, основой чего выступает углубляющийся конфликт между личностью и обществом [9]. Характеризуя личность преступника, на ее отчуждение от общества указывает Ю. М. Антонян и ряд других ученых [10, 11]. Однако мы не можем полностью согласиться с этим подходом, так как к не одобряемым (не принимаемым) обществом поступкам относится не только преступное поведение, но и например, асоциальный образ жизни (социальный паразитизм, алкоголизм, наркомания и пр.).

Согласимся с мнением о том, что в криминологии существующие подходы к изучению личности преступника и детерминант преступного поведения – социальный, биологический, психологический – следует всегда рассматривать в совокупности, в зависимости от характеристик личности, чья криминальная направленность выражается в индивидуальном преступном поведении, что требует не только юридических, но и психологических и социологических знаний [12]. При этом преступное поведение при совершении коррупционного преступления имеет ряд особенностей, что обусловлено характеристикой личности коррупционеров, которая может служить основой их типологии и которая содержит такие качества, как коррупционная ментальность (совокупностью идей, взглядов и представлений) – особый вид антиобщественной установки личности [13, с. 24].

Однако при наличии ряда публикаций (в том числе современных криминологов), посвященных проблеме коррупции и ее предупреждению, отмечается недостаток фундаментальных исследований преступного поведения в целом и отдельных видов преступлений в частности, в том числе коррупционной направленности, что объясняется сложностью изучения объекта исследования – личности преступника на этапах совершения им преступления, а также комплексным подходом с применением методов юридической и психологической науки [14].

В связи с этим нами предпринята попытка комплексного локального исследования с целью криминолого-психологической характеристики личности преступника, совершившего преступления коррупционной направленности. Так, в 2023 г. было осуществлено анонимное анкетирование лиц, осужденных за коррупционные преступления, и лиц, осужденных за общеуголовные корыстные преступления, отбывающих наказания в исправительных

колониях¹. В разделе I анкеты на вопрос «При совершении преступления, что сыграло основную роль при принятии Вами этого решения?» осужденными за коррупционные преступления (далее – осужденные за коррупцию) преобладающим большинством были выбраны ответы: не осознавали свои действия как преступление (42 %); провоцирующее поведение потерпевшего (34 %), тогда как преобладающее большинство осужденных за корыстные преступления, выбрали ответы: осознание высокой вероятности уйти от ответственности (никому не станет известно о совершенном мной преступлении) – 38 %; понимание невозможности (нежелание) удовлетворить свой корыстный мотив никаким иным путем, кроме преступного, – 22 % (из лиц, осужденных за коррупцию, данные варианты ответа не выбрал ни один человек); решение о совершении преступления было принято под давлением – 22 %, из них наибольшее количество – под давлением друзей (16 %). Примечательно, что из лиц последней категории только 12 % не осознавали, что их действия будут являться преступлением в противовес 42 % лиц, осужденных за коррупцию, при этом ни один представитель данной категории не ответил, что принял решение под давлением руководителя или коллег. Впоследствии лица, осужденные за коррупцию, отвечали на подобные вопросы так: «Не совершал преступления», «Меня осудили несправедливо за то, что я не совершал». Это показатель неполной правдивости респондентов данной категории и их стремления избежать ответственности. Вместе с тем такие лица обладают необходимыми, в частности, юридическими знаниями, что позволяет оценить с точки зрения правомерности свои действия.

Подтверждением приведенному выводу служат ответы респондентов на вопрос: «Осознавали ли Вы последствия принятого решения о совершении преступления?» Преобладающее большинство осужденных за коррупцию ответили, что полностью осознавали последствия и для себя, и для общества (30 %); знали о последствиях, но отнеслись к ним равнодушно (20 %), тогда как среди лиц, осужденных за корыстные преступления, больше половины ответили, что не задумывались об этом (46 %), лишь 4 % лиц первой категории, выбрали данный ответ. Кроме того, более половины (64 %) осужденных за коррупцию свою вину в совершении преступления все-таки признали полностью или частично.

Количество лиц, показавших неполную правдивость, среди осужденных за корыстные преступления значительно меньше, почти все они были осуждены за совершение преступлений, связанных с мошенническими действиями (ст. 159 УК РФ), что предполагает наличие обмана или злоупотребление доверием. Это наглядно демонстрирует, что, во-первых, совершение коррупционного преступления являлось одним из вариантов удовлетворения своей материальной потребности и опровергает распространенное мнение о том, что для борьбы с коррупцией достаточно повысить материальный уровень обеспеченности должностных лиц. Во-вторых, роль жертвы при коррупционных преступлениях (при наличии таковой) весьма и занимает не последнее место в механизме преступного коррупционного поведения. В-третьих, осужденные явно осознавали преступность своего коррупционного деяния.

Говоря о криминологической трансформации личности, мы в первую очередь ведем речь о криминализации и последующей усугубляющейся криминализации или декриминализации после отбытия наказания. Однако не нужно забывать и о трансформа-

---

¹ По 100 чел. обеих категорий лиц, содержащихся в ФКУ ИК-11 ГУФСИН России по Нижегородской области (исправительные учреждения для бывших сотрудников правоохранительных органов) и в ФКУ ИК-12, ИК-20 УФСИН России по Вологодской области.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

ции с позитивным вектором личности преступника после совершения преступления (если не был изобличен) или отбывающего наказание. Так, на вопрос: «При отбывании наказания на сегодняшний день, Вы также по-прежнему убеждены, что было необходимо совершить преступление?» – преобладающее большинство респондентов, осужденных за коррупцию и осужденных за корыстные преступления, ответили отрицательно (54 и 58 % соответственно), но доля ответивших утвердительно значительно выше была среди лиц второй категории (4 и 24 % соответственно), что говорит нам о более высоком уровне и менее деформированном правосознании у лиц, которые в недалеком прошлом были должностными лицами государственных органов. Подтверждением тому служат ответы осужденных на вопросы второй части анкеты, на первый взгляд, отвлеченные от совершенного респондентами преступления, но позволяющие провести оценку отношения к правопослушному поведению в когнитивном, эмоциональном и волевом контекстах [15]. При анкетировании была взята за основу психометрическая шкала Р. Лайкерта с пятью пунктами ответов (формат пятиуровневых элементов), где на горизонтальной шкале между двумя вариантами ответов приведены цифровые значения оценки с учетом усиливающейся позиции респондентом своего ответа (вариант ответа – 2 – 1 – 0 – 1 – 2 – вариант ответа). Так, на вопрос, касающийся того, чем будет руководствоваться лицо в ситуации принятия решения¹, большинство лиц, осужденных за коррупцию, по предложенной шкале выбрали варианты, наиболее приближенные к ответу «руководствоваться законом» (1–32 %; 2–40 %), тогда как среди лиц, осужденных за корыстные преступления результаты были диаметрально противоположные: ими были выбраны варианты ответов, наиболее приближенные к «руководствоваться личными интересами» (1–28 %; 2–56 %).

Приведенный вопрос ориентирует нас на оценку осмысления субъектом соблюдения правовых норм (когнитивный аспект). Это позволяет нам осуществить оценку зрелости правосознания личности. Если обратиться к теории Л. Колберга о динамике морального субъекта, то с позиции уровневого подхода к трансформации морального сознания субъекта, обусловленной физиологическим, социальным и образовательным ростом, респонденты – осужденные за коррупцию при принятии решения руководствуются собственными убеждениями, сформированными на основе универсальных этических принципов, одобренных и принятых в обществе, соизмеренных с нормами закона (постконвенционный уровень) [16, 17]. В то же время другая категория респондентов – осужденных за совершение корыстных преступлений в преобладающем большинстве при принятии решения руководствуются личными интересами, что дает основание считать принятие ими внешних законов как формальности (стадия между уровнями конвенциональным и постконвенциональным). Выявленные различия интерпретированы нами с позиции уровня правосознания, которое выше у должностных лиц, обладающих высоким интеллектом и необходимыми знаниями (в том числе юридическими), что определяется качеством и необходимыми требованиями при отборе кандидатов в государственные органы и поддерживается в ходе прохождения службы как обязательное условие (повышение квалификации, правовая подготовка и т. п.).

Второй вопрос, предложенный респондентам, касался эмоционального аспекта – оценки привлекательности и позитивных ожиданий субъектов от правопослушного поведения. С целью оценки эмоциональной увлеченности, стремления к личным удо-

¹ Вопрос: «В ситуации принятия решения я буду руководствоваться: личными интересами – 2 – 1 – 0 – 1 – 2 – законом?»

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

вольствиям (по теории деятельности Л. С. Выготского, линия развития по стремлению к удовольствиям является отклоняющейся, деструктивной [18, с. 45]), азартности в достижении корыстного результата и риск-ориентированного поведения респондентам было предложено оценить возможность своего участия в лотерее¹. Преобладающее большинство лиц, осужденных за корыстные преступления, по предложенной шкале выбрали варианты наиболее приближенные к ответу «по шансам на выигрыш» (1–40 %; 2–48 %), тогда как большинство осужденных за коррупцию ответили нейтрально (0–64 %), а количество ответов «по шансам на выигрыш» и «по шансам на проигрыш» распределились поровну – по 18 %, что свидетельствует о низком уровне необдуманных решений с целью удовлетворения материальных потребностей и низком риск-ориентированном поведении бывших должностных лиц (одним словом, осознавали, на что шли при совершении коррупционного преступления и его последствия). Высокий уровень осознанности и разумности присущ должностным лицам, в том числе бывшим, которые осуждены за совершение коррупционных преступлений, что выделяет их из общей массы корыстных преступников и предполагает специфику выявления, расследования рассматриваемого вида преступлений и мер профилактики – лица, совершающие их, обладают специальными познаниями (юридическими), имеют достаточно высокий интеллектуальный уровень, если и идут на риск, то осознанный и адекватно оцененный с точки зрения предполагаемых выгод (ровное осознанное отношение к случайной выгоде). Полученный результат также служит показателем нейтральности эмоциональной зависимости правопослушного поведения от поощрения у осужденных за коррупцию.

Интересны исследования лиц, совершивших корыстные преступления, среди которых имелись две категории: отбывающие наказания в исправительной колонии общего и строго режимов. Оценка «2» по шансам на выигрыш составила 48 %, из них: 40 % – лица, отбывающие наказания в исправительной колонии общего режима, то есть совершившие тяжкие преступления и ранее не отбывавшие наказание в виде лишения свободы (п. «б» ст. 58 УК РФ); 8 % – лица, отбывающие наказания в исправительной колонии строго режима (совершившие особо тяжкие преступления, ранее не отбывавшие наказание в виде лишения свободы, а также осужденные при рецидиве или опасном рецидиве преступления, ранее судимые и отбывавшие наказание в виде лишения свободы – п. «в» ст. 58 УК РФ).

Оценка «1» по шансам на выигрыш составила 40 %, где показатели даны почти наоборот: 8 % – лица, отбывающие наказания в исправительной колонии общего режима; 32 % – лица, отбывающие наказания в исправительной колонии строго режима. Иными словами, лица с усиленной криминализацией, среди которых есть доля ранее отбывавших наказания в местах лишения свободы, более осмотрительны и осторожны при принятии решения о случайной выгоде, что дает основание считать имеющийся криминальный опыт и нахождение в местах лишения свободы сдерживающими факторами. Примечательно, что все лица, осужденные за корыстные преступления, почти не оценивали ситуацию с точки зрения «вероятность проигрыша» (дали ответ только 3 % респондентов), что, полагаем, связано с преследованием только выгоды и малым учетом возможности ее не получить, в противовес чему лица, осужденные за коррупцию, равно, но в значительном меньшинстве по сравнению с нейтральным отношением оценивали ситуацию с позиций выигрыша и проигрыша (получения прибыли и ее потери).

¹ Вопрос: «Возможность своего участия в лотерее я оцениваю: по шансам на выигрыш – 2 – 1 – 0 – 1 – 2 – по вероятности проигрыша?»

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Для оценки волевого аспекта правопослушного поведения (сфокусированности субъекта на недопущении криминального поведения, стойком предпочтении законного поведения незаконному в ситуации выбора) [15] и с целью определения факторов, детерминирующих, согласно А. Н. Пастушена [19, с. 11], криминогенные потенции личности, респондентам был задан вопрос о том, что удерживает людей от совершения правонарушения¹. Среди лиц, осужденных за коррупцию, большинство выбрали по предложенной шкале варианты, наиболее приближенные к ответу «личные убеждения»: 1–16 %; 2–30 %; тогда как большинство лиц, осужденных за корыстные преступления, выбрали варианты, наиболее приближенные к ответу «последствия наказания»: 1–28 %; 2–18 % (среди осужденных за общеуголовные корыстные преступления имела доля уже отбывавших наказание в местах лишения свободы, что способствовало формированию страха перед наказанием и его последствиями). Это свидетельствует о высоком уровне правосознания у должностных лиц и убежденности в необходимости правопослушного поведения, которым, однако, они пренебрегли при совершении коррупционного преступления, то есть у них имеются недостатки волевой регуляции, выступающей в качестве функции контроля поведения. Полученные данные также подтверждают мнение о недостаточности усиления (ужесточения) ответственности за коррупционные преступления как приоритетной меры противодействия коррупции. Почти одинаковое количество лиц обеих категорий ответили нейтрально, выбрав вариант «0», на предложенный вопрос. Это говорит о неустойчивом типе отношения у осужденных к правовым установкам и нормам, независимо от вида корыстного преступления, что необходимо использовать в профилактической работе.

Таким образом, на основе проведенного исследования возможно охарактеризовать личность преступника, совершившего коррупционное преступление, как лицо, обладающее высоким базовым уровнем правосознания, но идущим осознанно и обдуманно на совершение преступного деяния в силу недостаточной волевой регуляции своего правопослушного поведения, не имеющее высокой степени внутренней необходимости (потенциальной) [19, с. 11] удовлетворения своего корыстного мотива именно преступным путем, совершающее преступление под воздействием провоцирующего поведения жертвы (при наличии таковой). Сравнительный анализ лиц, совершивших коррупционные преступления и совершивших общеуголовные корыстные преступления, позволил сделать вывод о том, что специфику криминологической характеристики лиц, осужденных за коррупцию, приобретенную во многом благодаря службе в государственных органах, следует использовать в профилактической работе с данной категорией лиц, что послужит пресечению пренебрежения ими нормами и установками правопослушного поведения при совершении преступлений коррупционной направленности.

Одно из главных отличий между приведенными категориями респондентов состоит в том, что лица, осужденные за коррупцию, не видели единственным способом удовлетворения своих материальных потребностей совершение преступления, но выбирали именно его. Лишь 6 % респондентов, осужденных за коррупцию, ответили, что причиной совершения преступления послужило затруднительное финансовое (материальное) положение. В то же время другая категория респондентов ставила совершение преступления в приоритет при достижении своей цели, то есть определяли антиобщественный способ для достижения субъективно необходимого результата. Лица, совершившие ко-

¹ Вопрос: «По Вашему мнению людей удерживают от совершения правонарушения: личные убеждения – 2 – 1 – 0 – 1 – 2 – последствия наказания?»

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

рыстные преступления, в своем большинстве не имели какой-либо постоянной оплачиваемой работы, тогда как лица, осужденные за коррупцию, занимали определенные должности, что и показали результаты анкетирования, где осужденные за корыстные преступления ответили, что причиной совершения деяния стало понимание невозможности (нежелание) удовлетворить свой корыстный мотив никаким иным путем, а только преступным – 22 %.

Таким образом, совокупность «цель – способ» присуща обеим категориям опрошенных, но у лиц, осужденных за коррупцию, она не была в приоритете, так как имелись и другие (законные) способы (соблюдение соразмерности расходов доходам, карьерный рост, повышение профессионального уровня и т. д.), но выбор пал на совершение преступления под воздействием иных факторов – провоцирующего поведения потерпевшего [19, с. 13]. Кроме того, у них отсутствовало осознание того, что деяния являются преступными (на некоторую ложность последнего мы уже указывали, что объясняется стремлением уйти от ответственности). Первый фактор предполагает необходимость как проведения виктимологической профилактической работы по коррупционным преступлениям, так и предупреждения противоправных деяний коррупционной направленности со стороны граждан, представителей юридических лиц в отношении должностных лиц (склонение к коррупционному правонарушению, дача взятки).

Для репрезентативности данных исследования и верности определения предполагаемых мер профилактики был проведен сравнительно-оценочный анализ характеристик осужденных за коррупцию и правопослушных должностных лиц в той же количественной выборке по вопросам второго раздела анкеты. Его итоги показали, что в ситуации принятия решения опрошенные действующие должностные лица почти в два раза чаще будут руководствоваться законом, чем осужденные за коррупцию должностные лица (74 и 40 % соответственно), что говорит об ориентированности на правопослушное поведение.

При ответе на вопрос об оценке шансов при участии в лотерее нейтральный ответ выбрало преобладающее большинство должностных лиц – 88 % и 64 % осужденных за коррупцию; «по шансам на выигрыш» ответ выбрали всего 10 % лиц, тогда как среди осужденных должностных лиц – 18 %; «по вероятности проигрыша» – 2 и 18 % соответственно, что оценивается нами как более высокая вероятность отказа от рискованного поведения правопослушными должностными лицами.

На третий вопрос, касающийся того, что удерживает людей от совершения правонарушения, преобладающее большинство правопослушных должностных лиц ответили нейтрально – 42 % (выбрали ответ «0»), осужденные за коррупцию должностные лица – 30 %. При этом не совершают правонарушения по личным убеждениям как действующие должностные лица (44 %), так и осужденные (46 %). Ответы на вопрос о несовершении правонарушения из-за последствий наказания разнятся: у действующих должностных лиц данный ответ выбрали 14 %, у осужденных – 24 %, что закономерно, так как привлечение к ответственности за совершение преступления и отбывание наказания влияет на правосознание и принятие решения.

Таким образом, у правопослушных должностных лиц наиболее ярко выражены когнитивные позитивные установки; явно прослеживается ориентация на закон при принятии решения, которая довлеет над личными интересами. Следовательно, при планировании мер профилактики коррупции среди должностных лиц необходимо особое внимание уделять антикоррупционному воспитанию и привитию правовой культуры как в период осуществления обязанностей, так и в ходе отбора кандидатов на службу. От-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

бор должностных лиц важен не только при приеме на службу, но и при выдвижении на вышестоящие должности.

Усиленная нейтральность правопослушных должностных лиц в ситуации риска (в нашем вопросе речь шла о лотерее) по сравнению с осужденными за коррупцию говорит, с одной стороны, о низкой вероятности рискованного, необдуманного поведения, а с другой – о необходимости снижения корыстной заинтересованности (исключение возможности выбора выигрыша, извлечения выгоды) путем усиления заинтересованности в отсутствии потерь имеющегося материального, статусного потенциала.

Волевой аспект деятельности у правопослушных должностных лиц, как и у осужденных, основывается на личных убеждениях, но при этом у осужденных страх наказания выше, что указывает на понимание негативных последствий совершения преступления, испытанных на собственном опыте. Это вызывает необходимость в совокупности с антикоррупционным воспитанием повышать уровень правосознания, убежденности в соблюдении принципа неотвратимости наказания.

Отметим, что проведенное нами исследование в некоторых аспектах пересекается с осуществленными ранее. Например, имеются исследования правосознания в детерминации коррупционного поведения (однако в них разнятся выборка респондентов и цели опроса) [20]; психолого-криминологического портрета осужденных за совершение коррупционных преступлений (в них внимание уделяется ценностным установкам и волевым качествам осужденных и правопослушных сотрудников ОВД) [21]; психологических факторов коррупционного поведения через сравнение профилей значений стресс-преодолевающего поведения действующих и бывших сотрудников полиции [22], что лишь дополняет проведенное нами исследование, но не повторяет.

Таким образом, проведенное исследование показало, что лица, совершившие коррупционные преступления, имеют отличия от лиц, совершивших иные корыстные преступления, что находит отражение в когнитивном, эмоциональном и волевом аспектах. Приоритетной мерой предупреждения коррупции следует считать, кроме усиления материальной обеспеченности, социальной защищенности, виктимологической профилактики и неотвратимости наказания, повышение уровня правосознания и правовой культуры, основанной на личном убеждении следовать в своей деятельности закону. Именно это будет определять правопослушное поведение. Таким мерам необходимо уделять внимание как на этапе отбора кандидатов, так и в период службы, работы должностных лиц. Заимствуя у Ф. Тейлора [23] понятие феномена группового давления согласно социологии управления, мы можем его применить к нашему исследованию: чем выше уровень правосознания и правовой культуры в коллективе, тем больше правопослушных должностных лиц, так как возведенное в норму законное поведение служит социальной регуляцией правосознания (Л. Колберг, Э. Туриэл и др.), что требует компетентного подхода и предполагает правовую грамотность и обучение, связанное не только с привитием знаний, алгоритмов действий при коррупционно опасных ситуациях, но и с доступностью, простотой обращения к нормативным правовым актам (систематизация антикоррупционного законодательства).

С правовой культурой неразрывно связана правовая идеология, что в нашем случае предполагает формирование антикоррупционной идеологии и увеличение ее легальности (С. Силби), что достигается единой и повсеместной антикоррупционной политикой государства [24].

Список источников

1. Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов : СГУ, 1975. 221 с.
2. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М. : Госюриздат, 1961. 279 с.
3. Кудрявцев В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М. : НОРМА, 2009. 128 с.
4. Карпец И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М. : Юрид. лит., 1976. 224 с.
5. Лейкина Н. С. Криминология о преступнике. Л. : Знание., 1978. 36 с.
6. Бабаев М. М., Квашиш В. Е. Социальные последствия преступности: методологические и прикладные проблемы // Научный портал МВД России. 2010. № 1(9). С. 3–12.
7. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. М. : Моск. ун-т, 1984. 203 с.
8. Бурлаков В. Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: проблемы моделирования : монография. СПб. : Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. 235 с.
9. Номоконов В. А. Преступное поведение: механизм, детерминации, причины, ответственность : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 1991. 36 с.
10. Антонян Ю. М. Отчуждение личности как причина преступности // Общество и право. 2022. № 2(80). С. 8–19.
11. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания : монография. М. : РГ-Пресс, 2018. 400 с.
12. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Предмет отечественной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 369–384.
13. Кузнецова О. А. Субъект коррупционных преступлений: уголовно-правовые и ментальные особенности личности : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2024. 46 с.
14. Стебенева Е. В. Изучение криминологической трансформации коррупции, идеологии и механизма противодействия (констатация проблемы) // Вестник Владимирского юридического института. 2024. № 1(70). С. 72–80.
15. Злоказов К. В. Правопослушная направленность: эмпирическая проверка конструкта // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2023. Вып. 6. С. 641–647.
16. Kohlberg, L. 1973, 'The Claim to Moral Adequacy of a Highest Stage of Moral Judgment', *Journal of Philosophy*, vol. 70, pp. 630–646.
17. Бровкина А. Р. Теория развития морального субъекта Л. Колберга // Система ценностей современного общества. 2012. № 25. С. 19–23.
18. Чечулин В. Л. Логико-семантические модели в психологии и их приложение : монография. Пермь.: Перм. гос. нац. исслед. ун-т. 2014. 142 с.
19. Пастушеня А. Н. Криминогенная сущность личности преступника (психологический аспект) : автореф. ... дис. д-ра психол. наук. М., 2000. 42 с.
20. Чернышева Е. В. Правосознание в детерминации коррупционного поведения // Психология и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 120–131.
21. Кокурин А. В., Петров В. Е. Психолого-криминологическая характеристика личностей сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 7. С. 111–123

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

22. Гончарова Н. А., Кобозев И. Ю., Костылева И. В. Психологические факторы коррупционного поведения сотрудников полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3(67). С. 165–170.

23. Оришев А. Б. Социологические теории управления: ретроспективный анализ // Бизнес и дизайн ревю. 2016. Т. 1, № 1. С. 5.

24. Пургина Е. С., Муслумов Р. Р. Проблемы правовой культуры и «культуры легальности» в работах С. Силби // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 3(131). С. 88–91.

References

1. Noi, I. S. 1975, *Methodological problems of Soviet criminology*, SSU, Saratov.
2. Sakharov, A. B. 1961, *On the identity of the criminal and the causes of crime in the USSR*, Gosyurizdat, Moscow.
3. Kudryavtsev, V. N. 2009, *The struggle of motives in criminal behavior*, NORMA, Moscow.
4. Karpets, I. I. 1976, *Modern problems of criminal law and criminology*, Moscow.
5. Leikina, N. S. 1978, *Criminology of a criminal*, Znanie, Leningrad.
6. Babaev, M. M. & Kvashis, V. E. 2010, 'Social consequences of crime: methodological and applied problems', *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 1(9), pp. 3–12.
7. Kuznetsova, N. F. 1984, *Problems of criminological determination*, Moscow University, Moscow.
8. Burlakov, V. N. 1998, *Criminogenic personality and individual crime prevention: problems of modeling: monograph*, St. Petersburg Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg.
9. Nomokonov, V. A. 1991, *Criminal behavior: mechanism, determinations, causes, responsibility: Sc.D thesis (law)*, Moscow.
10. Antonyan, Yu. M. 2022, 'Alienation of personality as a cause of crime', *Society and law*, iss. 2(80), pp. 8–19.
11. Antonyan, Yu. M., Enikeev, M. I. & Eminov, V. E. 2018, *Psychology of crime and punishment: monograph*, RG-Press, Moscow.
12. Prozumentov, L. M. & Shesler, A.V. 2019, 'The subject of domestic criminology', *All-Russian Journal of Criminology*, vol. 13, iss. 3, pp. 369–384.
13. Kuznetsova, O. A. 2024, *The subject of corruption crimes: criminal law and mental personality features: Sc.D thesis (law)*, Moscow.
14. Stebeneva, E. V. 2024, 'Studying the criminological transformation of corruption, ideology and the mechanism of counteraction (statement of the problem)', *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, iss. 1(70), pp. 72–80.
15. Zlokazov, K. V. 2023, 'Law-abiding orientation: empirical verification of the construct', *Herzen readings: psychological research in education*, iss. 6, pp. 641–647.
16. Kohlberg, L. 1973, 'The Claim to Moral Conformity of a Highest Stage of Moral Judgment', *Journal of Philosophy*, vol. 70, pp. 630–646.
17. Brovkina, A. R. 2012, 'L. Kolberg's Theory of the development of a moral subject', *Value system of modern society*, iss. 25, pp. 19–23.
18. Chechulin, V. L. 2014, *Logical-semantic models in psychology and their application: monograph*, Perm.
19. Pastushenya, A. N. 2000, *Criminogenic essence of the criminal's personality (psychological aspect): Sc.D thesis (Psychology)*, Moscow.

20. Chernysheva, E. V. 2021, 'Legal awareness in the determination of corrupt behavior', *Psychology and law*, vol. 11, iss. 2, pp. 120–131.

21. Kokurin, A.V. & Petrov, V. E. 2017, 'Psychological and criminological characteristics of the personality of employees of internal affairs bodies convicted of corruption-related crimes', *Bulletin of the O. E. Kutafin University*, iss. 7, pp. 111–123

22. Goncharova, N. A., Kobozev, I. Yu. & Kostyleva, I. V. 2015, 'Psychological factors of corrupt behavior of police officers', *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 3(67), pp. 165–170.

23. Orishev, A. B. 2016, 'Sociological theories of management: a retrospective analysis', *Business and design review*, vol. 1, iss. 1, p. 5.

24. Purgina, E. S. & Muslumov, R. R. 2014, 'Problems of legal culture and "culture of legality" in the works of S. Silbi', *Izvestiya Ural Federal University, Series 3 Social sciences*, iss. 3(131), pp. 88–91.

Информация об авторе

Е. В. Стебенева – кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела.

Information about the author

E. V. Stebeneva – PhD (Law), Associate Professor, doctoral student of the research department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 05.09.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 05.09.2024; accepted for publication 27.09.2024.